

Динлинская проблема – одна из ключевых проблем древней истории Центральной Азии, а в известной мере – и всего степного пояса. Историю самой проблемы можно начинать с рубежа XIX-XX вв. Кто такие динлины? Представление об этом народе, утвердившееся в отечественной науке, в общем (отвлекаясь от вариаций в деталях) примерно таково: динлины – древний европеоидный светлопигментированный («белокурый») народ, живший в Минусинском крае на Среднем Енисее; во II-I вв. до н.э. на Средний Енисей под давлением хуннов продвигается монголоидный народ гяньгуни (кыргызы), ранее обитавший в Тыве и Западной Монголии, в результате происходит смешение этих народов, Минусинский край китайцы еще продолжают называть некоторое время Страной Динлин, но после II в. н.э. о динлинах уже не слышно, они исчезают; получившийся в результате смешения народ унаследовал от гяньгуней название и язык, а от динлинов – внешний облик светлопигментированных европеоидов. Так сформировались знаменитые енисейские кыргызы.

Такова гипотетическая реконструкция, принятая и обосновываемая авторитетнейшими советскими учеными – историками, археологами, антропологами – среди которых можно назвать Л.Н. Гумилёва, С.В. Киселёва, Л.Р. Кызласова, В.П. Алексеева. Она изложена в отечественных общих трудах по всемирной истории, истории СССР, Сибири (вплоть до новейшей Древней истории Сибири В.И. Матющенко [Матющенко В.И., 1999]). Видимо, она восходит к Г.Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло Г.Е., 1926]. Однако, когда мы обращаемся к источникам, возникают один за другим вопросы, на которые нельзя найти ответа в рамках изложенной гипотезы. Можно прямо сказать, что с источниками нарисованная картина согласуется очень плохо. Рассмотрим проблему по двум позициям: антропологическая характеристика динлинов и местообитание динлинов.

Динлины – светлопигментированные европеоиды?

Краеугольный камень всего описанного выше построения – постулат о динлинах как о европеоидном светлопигментированном народе. Из него исходят все дальнейшие соображения о судьбах этого народа, а в какой-то мере – и вообще схемы древней истории Сибири. На каких источниках основан этот постулат? Авторы изложенной гипотезы, описывая «белокурых, голубоглазых» динлинов – «рыжебородых великанов», ссылаются на «китайские летописи». Какие это летописи? Похоже, что единственное прямое указание, на котором построена эта гипотеза, – упоминание о «чи (красных)-ди» как предках динлинов (в Вэй-шу). Но цветовая символика племенных обозначений (ср. «бэй-ди») – обычнейшее явление у кочевых народов, никакого отношения к расовой характеристике не имеющее. В китайских источниках (Тан-шу) есть описание народа гяньгунь как людей рослых, с красными (рыжими) волосами и голубыми (зелёными) глазами. Почему-то считается, что это описание перенесено на гяньгуней с динлинов. Но в источниках совершенно недвусмысленно говорится именно о гяньгунях в таком качестве. Правда, здесь же говорится, что с гяньгунями смешались динлины. Но описание относится не к ним. Кстати, здесь же отмечаются и темноокрашенные люди (с темными волосами и глазами – «потомки Ли-лина», следовательно, монголоиды). Если подходить к тексту непредвзято, то с динлинами, скорее всего, и нужно связать эту примесь. Таким образом, картина получается прямо обратная изложенной гипотезе: светлопигментированные европеоиды кыргызы, издавна обитавшие в Минусинском крае, Тыве и Западной Монголии (Озерном крае) и смешавшиеся с ними монголоидные динлины, потомки чи-ди, пришедших с юга, из Ордоса. Собственно, если динлины-дисцы – «енисейский» (в этническом смысле) народ, ближе всего родственными тибетцам (родство «енисейцев» с тибетцами было установлено ещё в XIX в., М. Кастреном и затем подтверждалось многими авторитетными учеными, вплоть до А.П. Дульзона), то иными динлины и не могли быть. А «енисейцами» динлинов считает большинство современных ученых (В.В. Бартольд, Л.Н. Гумилев, С.В. Киселёв, К.Г. Менгес и др.), в том числе и те, которые изображают их «белокурыми» европеоидами. Прямые потомки древних «енисейцев» – кеты. Поскольку кеты сохранили свой древний исконный язык, то, очевидно, и их антропологический тип должен в той или иной мере сохранить древние черты. Если следовать указанной гипотезе, это должны быть признаки былой европеоидности. Однако последние исследования [Гохман И.И. и др., 1982] говорят о другом: у кетов, в противоположность многим соседним коренным сибирским народностям, совсем не

обнаруживается близости с европеоидами, очень далеки они и от древних европеоидов Сибири, зато, как и следовало ожидать, по многим признакам близки тибетцам и другим восточноазиатским народам, отличаясь в этом отношении и от сибирских монголоидов уральской и байкальской рас.

Гипотеза Г.Е. Грумм-Гржимайло – Л.Н. Гумилева создавалась тогда, когда палеоантропология Центральной Азии еще совсем не была создана или только начинала создаваться. Однако современные исследователи по инерции придерживаются этой гипотезы, не замечая, что она во многом противоречит современным данным. Эта гипотеза права там, где она утверждает древность и значительность исконного европеоидного населения Сибири, но как раз динлины не имеют к этому населению никакого отношения в антропологическом смысле.

Динлины – обитатели Минусинского края?

Единственным или, во всяком случае, основным местом обитания динлинов признаётся в отечественной науке Минусинская котловина. Иногда, правда, отмечается, что «динлинами» в собирательном смысле могло называться все население Саяно-Алтайского нагорья, но почему это название приобрело собирательный смысл – остается неясным. Археологическим соответствием динлинам обычно считается тагарская культура (или также и её наследие в таштыкской культуре). Похоже, что главным аргументом здесь послужила рано обнаруженная европеоидность её носителей. Что нам сообщают по этому поводу источники? В истории сношений китайцев с хуннами динлины фигурируют довольно часто. С точки зрения китайцев динлины обитают «позади» хуннов; судя по китайской схеме обитания северных народов того времени, динлины должны были занимать всю Внешнюю Монголию к северу от Гоби – «степи Халхи», но никак не одну Минусинскую котловину. Отдельные указания в источниках на места их обитания подтверждают это заключение.

В рассказе о Су У (начало I в. до н.э.) динлины обитают у озера Бэйхай (Байкал), видимо, в районе устья Селенги. В рассказе о походе китайцев в Центральную Монголию (90 г. до н.э.), где китайцам противостоял хуннский наместник у динлинов Вэй Люй – очевидно, как предводитель динлинов (так и по Л.Н. Гумилёву) и правитель страны, по которой проходили китайцы – действия разворачиваются в долине реки Су-сеу (Селенга), у гор Яньжань (Хангай), у хуннского городка близ реки Чжигюй (Чикой?) и т.д.

Некая «Гибельная страна» (в пустынной Жонгарии (Джунгарии) находится на юго-запад от динлинов и на северо-восток от усуней. Динлины здесь опятьтаки представляются как обитатели Хангая и юго-восточных отрогов Монгольского Алтая. Племена шивэй VII-VIII вв. н.э. считаются потомками динлинов. Шивэй (отуз-татары) этого времени обитали на Хэнтее, по Керулену и Онону, около озера Буирнур. Если суммировать все такие указания, то очерченная ими территория будет удивительно точно соответствовать ареалу культуры плиточных могил. На последнем этапе эта культура, согласно наиболее убедительным предположениям, сосуществовала с хуннской, на её территории основывались хуннские поселения и т.д. Делались явно неудачные попытки отождествить носителей этой культуры с дунху, курыканами и т.п., но, как ни странно, в отечественной науке они, кажется, никогда не сопоставлялись с динлинами. Причина, видимо, и здесь та же: данные о «плиточниках», несомненных монголоидах, никак не вязались с укоренившимся представлением о «белокурых» европеоидах динлинах.

Сведений о западных динлинах мы здесь не касаемся. Это отдельная, очень интересная проблема. И с тезисом об исчезновении динлинов во II в. н.э. нельзя согласиться. Этот народ продолжал обитать на своей территории и в последующие века и был известен под названиями «дили», «чилэ», и наконец, «теле». О связи этих названий с «динлин» говорят многие авторитетные исследователи (например, Э. Палибленк, Л. Амбис). В источниках можно найти и красноречивые в данном отношении указания на «динлинских чилэсцев» (Цзинь-шу) и «гаогюйских динлинов» (Вэй-шу). Китайский эквивалент «гаогюй» для названия «теле» свидетельствует лишь о типичной «народной этимологизации» (переосмыслении) последнего названия как «тележники», произошедшей, видимо, в соседней монгольязычной среде. Об этнической непрерывности на динлинской территории с древности до раннего (домонгольского) средневековья свидетельствует сохранение (лишь с небольшими изменениями) здесь и древнего погребального обряда и древнего (дохуннского) антропологического типа.

В недрах племенного объединения динлинов-«плиточников» шел, надо думать, процесс этнической консолидации: суперстратный «енисейский» слой динлинов – потомков пришедших с юга дисцев постепенно сливался с субстратным пратюркским слоем. Сложившийся в итоге народ унаследовал от первого из компонентов племенное имя, от второго – язык. Аналогичные процессы затем повторялись в истории Центральной Азии множество раз. Предлагаемая реконструкция должна быть рассмотрена и

проверена в общем контексте древней истории Центральной Азии. Здесь встаёт вопрос о времени и территории расселения древних «енисейцев» (а вместе с ними, возможно, и древнейших тюрков), о характере этого расселения – одноактного или многократно повторявшегося, об отражении его в археологии и т.д.

Со всеми этими процессами тесно связаны исторические судьбы действительного, а не мнимого, светлопигментированного европеоидного населения Центральной Азии. Среди степной части её населения источники прямо указывают на три группы племён, обладавших таким признаком. Это гяньгуни-кыргызы, древние обитатели Западной Монголии, Тывы и Минусинского края, кюзше-кыпчаки, древние обитатели Алтая, и усунь, древние обитатели Тянь-Шаня. Хотя в исторические времена все они, повидимому, были уже тюркоязычны, но истоки их формирования надо связывать с центральноазиатской («тохарской») ветвью индоевропейцев, а в археологическом плане – с носителями афанасьевской и родственных ей культур.

Западные динлины – первый тюркоязычный народ на территории Казахстана

В своих работах, посвященных динлинам, я пришел к следующим выводам. Кочевые племена ди, жившие в Ордосе на границе с коренными китайскими землями, активизировались в VII в. до н.э. и выплеснули ряд переселенческих волн на китайскую равнину и в степи Евразии. Эти племена, по причине особого положения у них женщин, были известны у соседей как народ «амазонок», или «храбрых охотниц прорицательниц». Племена ди, осевшие в степях Монголии, смешались с местным населением и образовали народ динлин (Ting-ling). Этот народ, известный позже под именем дили и затем теле, и являлся основным населением Внешней Монголии вплоть до заселения ее, уже в средние века, монгольскими племенами. Этнически племена ди были «енисейцами», родственны ми тибетцам, но в Монголии они смешались с коренным пратюркским населением и ко времени выхода динлинов на историческую арену, в последних веках до н.э. и первых веках н.э., этот народ был, скорее всего, уже тюркоязычным. Антропологически и ди, и динлины, были монголоидны, и общепринятое в отечественной науке представление о динлинах как «белокурых» европеоидах принадлежит к числу распространенных, но совершенно беспочвенных ученых мифов.

Но динлины обитали не только в степях Внешней Монголии. Они проникали и на север, в область верховьев Енисея, где смешались с древними кыргызами (они же хагясы, гяньгуни), которые описаны как высокорослый народ с рыжими волосами и голубыми глазами [Бичурин Н.Я., 1950, с. 351; 4, Кюнер Н.В., 1961, с. 55]. На западе отдельная ветвь динлинов занимала степи Казахстана. Об этих последних у нас и пойдет речь. Сведения о западных динлинах содержатся только в фрагментарно сохранившихся династийных историях «Вэй-ли» и «Хоу Вэйшу» [Maenchen-Helfen O., 1939, с. 80-82; Кюнер Н.В., 1961, с. 281, с. 311 пр. 10]. Но сведения эти относятся к значительно более ранним, к ханьским, временам и связаны, повидимому, с походами хуннского шаньюя Чжичжи (I в. до н.э.). В «Вэйли» говорится, что государство Динлин находится к северу от Кангюя. Далее автор «Вэйли», упомянув три государства, подчиненных шаньюем Чжичжи (в том числе Динлин), и указав, что центральное положение среди них занимает Гяньгунь (Цзянь-гунь), продолжает: расстояние до ставки шаньюя на восток – 7000 ли, на юг до Кьюше (Чеши) – 5000 ли, на юго-запад до границы Кангюя – 3000 ли, на запад до столицы Кангюя – 8000 ли. Что же касается динлинов, то в «Вэйли» специально отмечается, что динлины, обитающие на запад от Усунь (т.е., очевидно, те же, что на север от Кангюя) – это не те динлины, которые живут к югу от Северного моря (Байкал) и к северу от Усунь (народ Тянь-Шаня), т.е. во Внешней Монголии. Сличая эти сведения с текстом «Цянь-Ханьшу», можно заметить, что в последнем точно такие же как первые два из четырех указанных расстояний приведены как расстояния от страны гяньгуней, где находилась тогда новая ставка Чжичжи [Бичурин, 1950, с. 91; Таскин В.С., 1973, с. 37]. Очевидно, и остальные два указания относятся к расстояниям от страны гяньгуней.

О. Мэнчен-Хелфен, решив почему-то, что третья цифра (3000 ли) относится к расстоянию от страны динлинов, определил на карте с помощью линейки, отправляясь от Чу, местонахождение этой страны между Обью и Енисеем, в районе Бийска [Maenchen-Helfen O., 1939, с. 81], при этом не заметив даже, что такая страна никак не может находиться ни к северу от Кангюя, ни к западу от Усуни. Оба эти указания достаточно ясно помещают западных динлинов в Восточный и Центральный Казахстан.

Локализовав западных динлинов, О. Мэнчен-Хелфен посчитал, что нет причин отличать их от восточных, так как и последние будто бы жили где-то неподалеку, к северу от гяньгуней, в районе Красноярска [Maenchen-Helfen O., 1939, с. 79-80]. Такая конструкция, основанная на совершенно

произвольных допущениях, оказала решающее влияние на последующих ученых, и все отечественные историки принимали ее с небольшими вариациями вплоть до последних общих работ по древней истории Сибири [Матющенко В.И., 1999, с. 169].

На чем же основано убеждение в подобной локализации восточных динлинов? Единственной основой для О. Мэнчен-Хелфена здесь послужил рассказ о завоеваниях шаньюя Чжичжи.

В нем говорится, что Чжичжи поразил усуней, на севере подчинил Угье (Уцзе) и затем на западе разбил Гяньгунь (Цзяньгунь), а на севере покорила Динлин. Подчинив три царства, Чжичжи затем не раз одерживал победы и над усунями [Кюннер Н.В., 1961, с. 91; Таскин В.С., 1973, с. 37].

О. Мэнчен-Хелфен и следующие за ним ученые понимают этот рассказ как сообщение об одном непрерывном походе из мест в районе Иссык-Куля через Большой Алтай к Енисею примерно в районе Красноярска [Maenchen-Helfen O., 1939, с. 79-80]. Не говоря уже о том, что такой поход вообще трудно представить в реальности, подобная трактовка порождает ряд неразрешимых противоречий. Как, например, Угье, помещенный на Большой Алтай, может находиться к востоку от Гяньгуни на Енисее?

Очевидно, этот рассказ надо понимать совсем иначе. В нем говорилось не об одном, а о целой серии походов, исходным пунктом для которых была традиционная ставка хуннских шаньюев где-то в районе гор Ноин-Ула к северу от современного Улан-Батора. Эту ставку Чжичжи захватил еще в 54 г. до н.э., а с 49 г. до н.э. начинаются его походы на запад и север, закончившиеся гибелью шаньюя в 36 г. до н.э. [Гумилев Л.Н., 1960, с. 162-174, 264-266]. Сначала он движется на запад, на соединение с усунями и, возможно, временно переносит ставку в Жонгарию. Но затем возвращается в постоянную ставку и уже отсюда совершает поход на север, в Угье, откуда «послал войска на запад, разбил цзяньгуней» (перевод В.С. Таскина), «при помощи войск его [Угье] разбил на западе Гяньгунь» (перевод Н.Я. Бичурина). Если проследить по карте маршрут этого похода, то мы увидим, что из района Улан-Батора он был направлен на север к южной оконечности Байкала, а отсюда – на запад вдоль северного склона Восточного Саяна, по степям Верхней Ангары и ее притоков, к Минусинской котловине, где находился центр Гяньгуни.

Что представлял собой загадочный народ Угье? В преданиях местного населения Восточной Сибири фигурируют некие «утиные люди» юги (йугын, угын) как древнее, докетское, население междуречья Ангары и Подкаменной Тунгуски [Этногенез..., 1980, с. 124, 127, 138; Этническая..., 1982, с. 108, 109]. Наверное, этих же людей имели в виду «усунские старцы», когда говорили, что к северу от динлинов (подразумеваются динлины Халхи) живет народ «лошадиных голеней». Люди его ниже колен имеют лошадиные ноги, поросшие шерстью. Они быстро бегают и издают звуки наподобие диких гусей и уток, но являются храбрыми воинами [Maenchen-Helfen O., 1939, с. 81, 82; Кюннер Н.В., 1961, с. 281]. Усуни жили далеко к югу от этих людей и, естественно, до них доходили лишь сказочные слухи об этом отдаленном народе. О.Мэнчен-Хелфен «с порога» отмечает это сообщение, считая его чистой выдумкой, не имеющей под собой никакой реальной основы [Maenchen-Helfen O., 1939, с. 82]. Между тем, в более поздних китайских источниках (VI-VII вв. н.э.), когда до китайцев стали доходить более реальные сведения о далеких северных народах, эти же люди именуется как народ бома, бики (бици, били), или йелочжи. Они же – бикины и алакчины средневековых мусульманских авторов. Это вполне реальный народ, который постоянно ходит и охотится в своей снежной стране на лыжах, подбитых лошадиной шкурой. Живут они на обширном пространстве от южных берегов Байкала на запад – на один месяц пути, на север – на 15 дней, примыкая на юге к горам; к северу от тюрков и к востоку и северу от хагясов (т.е. тех же гяньгуней), с которыми постоянно воюют. Внешностью они похожи на последних (т.е., как и гяньгуни-кыргызы, являются светлопигментированными европеоидами), но говорят на другом языке [Бичурин Н.Я., 1950, с. 350; Кюннер Н.В., 1961, с. 49, 52-54]. Последнее сообщение очень интересно. Заманчиво предположить, что, если хагясы-кыргызы, смешавшиеся с динлинами, в то время уже определенно говорили по-тюркски, то их соседи, может быть, еще сохраняли древний индоевропейский язык центральноазиатской («тохарской») ветви. Во всяком случае, европеоидность древних жителей прибайкальских степей к востоку от Минусинска засвидетельствована палеоантропологически [Гумилев Л.Н., 1960, с. 40]. Возможно, что к этому же народу относится сообщение цейлонского купца (I в. н.э.) о каких-то «серах» необычайно высокого роста, с рыжими волосами и голубыми глазами, говоривших на особом языке с резкими звуками [Пьянков И.В., 1986, с. 18, 19].

Следующий поход Чжичжи был опять направлен из постоянной ставки на север, против беспокойных динлинов (которые традиционно считались обитающими к северу от хуннов; это динлины Халхи), в бассейн Селенги и ее притоков. А отсюда он пошел прямо на запад, в земли гяньгуней, куда и перенес, наконец, свою ставку. Но судя по координатам местоположения его новой ставки, она должна

была находиться где-то в крайних южных владениях гянгуней-кыргызов, в Западной Монголии, может быть в районе озера Хиргиз-нур.

Итак, динлины занимали уже в I в. до н.э. (а по всей вероятности, и намного раньше) два обширных региона: центральную и восточную части Внешней Монголии на востоке и Восточный и Центральный Казахстан на западе. Возможно, что они занимали и Жонгарию, соединявшую оба региона. В этих местах они жили и позже. Племена дили-теле (гаогюй), они же огузы, не были неведомо откуда взявшимся народом, в V-VII вв. н.э. заново заселившим эти территории, как обычно полагают (например: [Гумилев Л.Н., 1960, с. 13, 27, 28; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 76, 99]). Это прямое продолжение динлинов, их прямые потомки, сохранившие их племенное имя и продолжавшие жить в тех же местах, где жили их предки. Племена огузов (= огузов [Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 136, 137]), вторгнувшиеся в V в. н.э. в причерноморские степи, были, очевидно, теми телесцами, которые обитали на территории Казахстана, являясь потомками западных динлинов. Западные динлины были многочисленным народом, судя по тому, что они могли выставить 60 тысяч отборных воинов. Но образ жизни они вели чисто кочевнический, передвигаясь вслед за своими стадами. В то же время, они занимались и охотой на пушного зверя, судя по сообщению источника о том, что их страна производит знаменитые меха куниц, шкурки каких-то животных, названных белыми и голубыми гунцу, меха соболей и сурков (?) [Maenchen-Helfen O., 1939, с. 81]. Следует заметить, что граница лесов в те времена проходила южнее, чем ныне, и страна еще средневековых огузов Казахстана была достаточно лесистой, а сами огузы занимались охотой на пушного зверя и торговлей пушным товаром [Агаджанов С.Г., 1969, с. 55-56, 93, 100-101]. Правда, упоминание куниц и соболей указывает скорее на таежную зону, но участки хвойных лесов еще и ныне имеются к северо-западу от Астаны и к востоку от Караганды.

Археологическим соответствием западным динлинам должна быть тасмолинская культура. Она датируется обычно VII-III вв. до н.э. [Степная полоса..., 1992, с. 131], но недавно изученные коргантасские памятники позволяют продлить ее существование до рубежа н.э., а может быть и до первых веков н.э., вплоть до гуннского времени [Бейсенов А.З., 1996, с. 89-94]. Восточных динлинов мы идентифицируем с носителями культуры плиточных могил. Если будет установлена генетическая связь этой последней с тасмолинской культурой, то эта связь будет еще одним аргументом в пользу предлагаемой нами реконструкции процессов, касающихся динлинов и, в частности, западных динлинов.

Тюркоязычность динлинов по сохранившимся следам их языка устанавливается достаточно убедительно [Maenchen-Helfen O., 1939, с. 86]. Тюркизация Арало-Каспийских степей Западного Казахстана связывается с огузами и датируется VI-X вв. н.э. [Ажигали С.Е., 2001, с. 23]. Если динлины являются прямыми предками телесцев-огузов, то тот же процесс в Восточном и Центральном Казахстане, связанный с западными динлинами-тасмолинцами, начался более чем на тысячу лет раньше и создал базу для дальнейшего про движения огузов на запад.